

М. Дмитриев

**Князь иван Михайлович
Долгорукий**

Его сочинения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Дмитриев**
Князь иван Михайлович Долгорукий: Его сочинения / М. Дмитриев – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 300 с.

ISBN 978-5-517-96872-2

ISBN 978-5-517-96872-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда я въ первый разъ писалъ о жизни Князя Долгорукаго, я слѣдовалъ моей памяти и нѣкоторымъ краткимъ выпискамъ, полученнымъ мною отъ его младшаго сына, (котораго уже нѣтъ на свѣтѣ) и отъ его зятя. Память мнѣ ни въ чемъ не измѣнила; но выписки оказались и недостаточными, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрными. По печатаніи моей статьи въ Москвитянинѣ и въ отдѣльныхъ экземплярахъ (1851), сыновья и дочь Князя Ивана Михайловича были чрезвычайно довольны моимъ описаніемъ: вслѣдствіе этого я получилъ отъ его дочери, для сроченія и справокъ, полную рукопись его записокъ, состоящую болѣе, чѣмъ изъ тысячи страницъ, въ большой листъ и довольно мелкаго письма.

Эти записки изображаютъ его жизнь и самаго его во всей простотѣ безпристрастія и со всѣми мельчайшими под-

робностями, описанными погодно. И думаю, ни одинъ биографъ писателя не имѣлъ въ своихъ рукахъ такихъ драгоценныхъ матеріаловъ. Онѣ были для меня полезны въ двухъ отношеніяхъ: какъ вѣрное зеркало его жизни, и какъ матеріалъ для исправленія прежняго моего труда. — Не смотря на короткое время, которое я могъ ими воспользоваться, и сдѣлалъ изъ нихъ нужныя для меня выписки; но увидѣлъ, что мнѣ надобно не только переправлять и дополнять написанное прежде, а почти передѣлывать снова: что и исполнено мною для предлагаемаго теперь втораго изданія, которое, за исключеніемъ начала и конца, составляетъ почти совершенно новый трудъ, вчетверо большій прежняго и представляющій подробности, тамъ, гдѣ прежде было одно общее указаніе происшествій.

По напечатаніи первой статьи о жизни и характерѣ Князя Долгорукаго, я предполагалъ написать вторую о его сочиненіяхъ. Но увидѣвъ, какъ сказано выше, что первая статья исполна и требуетъ совершенной переработки, я счелъ совершенно лишнимъ доканчивать трудъ, которымъ я самъ имѣлъ причину быть недовольнымъ. и отложилъ мое намѣреніе до изданія вновь написанной біографіи. Теперь представляю ее читателямъ въ той полнотѣ, до какой только могъ я достигнуть, по краткости времени, въ которое имѣлъ въ рукахъ его записки; и съ тѣмъ вмѣстѣ предлагаю вторую часть моего труда, т. е. о его сочиненіяхъ. — Теперь это изданіе окончено и полное.

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ писали о первомъ изданіи біографіи Князя Долгорукаго. Замѣчаній

сдѣлано было много, и какъ всегда это бываетъ, одни дѣль-
ныя, другія нѣтъ. Было предложено нѣсколько вопросовъ и
сомнѣній, на счетъ неясности, или сбивчивости нѣкоторыхъ
моихъ указаній. Я не отвѣчалъ ни на одну изъ этихъ кри-
тикъ, хотя не оставилъ ни одной безъ должнаго вниманія.
Теперь отвѣтомъ на нихъ служить, такъ сказать, самый
текстъ втораго изданія біографіи: всѣ сомнѣнія и вопросы
критиковъ разрѣшены мною, или исправленіемъ ошибки,
или включеніемъ пропущеннаго, или яснѣйшимъ указа-
ніемъ и болѣе опредѣленнымъ рассказомъ. А гдѣ преж-
нее оставлено мною, какъ было, не смотря на замѣчанія
критиковъ, это значить, что замѣчаніе было неосновательно
и что я не имѣлъ причины измѣнять написанное. — Же-
лательно бы было, чтобы всегда можно было авторамъ такъ
отвѣчать на критики. Впрочемъ я обязанъ благодарить тог-
дашніе журналы за ихъ отзывы о трудѣ моемъ; самыя за-
мѣчанія ихъ доказываютъ, что они обратили на него серьез-
ное вниманіе.

Еще одно слово. О многомъ я не могъ иначе говорить,
какъ ходя, такъ сказать, около предмета окружающими линіями,
особливо о происшествіяхъ, сопровождавшихъ послѣднюю
отставку Князя Долгорукаго. Я могъ бы вполне оправдать
его отъ нареканій людей ему современныхъ; но въ то вре-
мя, когда писана эта біографія, я не могъ входить въ под-
робности, скажу всѣмъ понятною фразой, *по причинамъ*
отъ меня независимыхъ. Часто я долженъ былъ удер-
живать мысль и руку. У насъ появившаяся съ нѣкотораго вре-
мени, гласность — болтаетъ, бранится и шалитъ иногда,
какъ ребенокъ; но къ сожалѣнію, не пришло еще время той

IV

взрослой гласности, которая однихъ спокойно обвиняетъ, другихъ смѣло оправдываетъ, передъ судомъ современниковъ и отомства. Есть и такія имена, которыя можно только съ похвалою, а не съ обличеніемъ выставить въ печати.

29 Іюля 1860 года.

Село Богородскѣ.

ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕРЪ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКАГО.

=

Натура жизнь дала,
А страсти воспитали.
К. И. М. Д.

Я зналъ коротко Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Трудно найти автора, который бы столько выразилъ себя въ своихъ произведеніяхъ. А открывать въ поэтѣ человѣка — это драгоценное приобрѣтеніе и литературы и человѣчества: литературы — потому, что тогда поэзія заключаетъ въ себѣ много неподдѣльной истины; а человѣчества — въ томъ отношеніи, что живость ума и откровенность сердца, свойственныя поэтамъ, представляютъ тогда человѣка, какъ въ зеркалѣ, вѣрно и безпристрастно, чѣмъ не можетъ похвалиться и сама философія. Живость ума, чувствительность сердца, неистощимая веселость, смѣняемая иногда приступами дурнаго расположенія духа, которое Князь Долгорукой называлъ, посвоему, хандрою; неограниченная привязанность къ друзьямъ и какая-то дѣтская простота шутливости; любовь къ человѣкамъ и къ обществу, вмѣстѣ съ недоувѣрчивостію вообще къ людямъ, которыхъ онъ и имѣлъ-таки причину не любить; благородство мыслей и чувствъ, вмѣстѣ съ простонародностію въ ихъ выраженіи, доходившей иногда до прекрасной простоты, иногда почти до пошлости;

высокость, перѣдко глубина чувства; умѣнье предаваться совершенно настоящей минутѣ, какъ скоро не было помѣхи отъ вѣшняго міра; наблюденіе всѣхъ свѣтскихъ приличій, вмѣстѣ съ наружною небрежностію въ одеждѣ и въ домашнемъ быту, и съ какою-то оригинальнію, съ какимъ-то своевољствомъ обычаевъ; наблюденіе съ людьми взаимныхъ отношеній, какъ скоро не мѣшала этому нетерпѣливость, или припадокъ веселости, доходившей иногда до крайности; наконецъ, непритворное религіозное чувство, любовь къ семейству, добродушіе: вотъ черты, изъ которыхъ состояла разнообразная и безпримѣрная смѣсь оригинальнаго характера этаго замѣчательнаго человѣка!—Таковъ является онъ и въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ моей молодости я бывалъ у него почти ежедневно. А кто изъ знавшихъ Князя Долгорукаго можетъ вспомнить объ немъ безъ вздоха? Что въ немъ было хорошаго — это принадлежало собственно ему, его счастливой натурѣ; что въ немъ было худаго — это происходило не отъ дурнаго направленія сердца: это были ошибки, это была пылкость и нерасчетливость поэта, которыми всегда искусно пользуются хладнокровные и расчетливые люди. Расчетъ составляетъ весь разумъ мірскаго человѣка; пылкость и восторгъ передъ нимъ всегда останутся въ проигрышѣ. Можетъ быть, по этой самой причинѣ, не смотря на познаніе свѣта, онъ ошибался въ людяхъ; они не поняли или не хотѣли понять его, и жестоко отмстили, оскорбивъ въ немъ самое лучшее чувство его сердца, любовь къ человѣкамъ. Другой бы ихъ возненавидѣлъ, а онъ только потерялъ къ нимъ довѣрчивость; а мстилъ за нихъ по временамъ себѣ же, своею хандрою, которая впрочемъ

скоро проходила и уступала мѣсто природному добродушію и врожденной веселости.

Жизнь всякаго человѣка, выступающаго изъ сферы обыкновенной, т. е. матеріальной, животной жизни, представляетъ для наблюдательнаго ума замѣчательныя, только ей свойственныя стороны. Жизнь полководца и мужа государственнаго занимательна для гражданина и поучительна для людей, идущихъ по тому же поприщу; но жизнь поэта, смѣю сказать, имѣетъ свое преимущество: она, при недостаткѣ внѣшнихъ дѣйствій, представляетъ непрерывную нить внутреннихъ ощущеній и увлеченій, или порывовъ сердца и воображенія, которые часто опредѣляютъ характеръ и внѣшнихъ дѣйствій человѣка. Тѣмъ замѣчательнѣе жизнь такого поэта, которая выразилась въ его произведенияхъ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой происходилъ отъ роднаго брата Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, знаменитаго и подвигами и безстрашною правдивостью, современника и сподвижника Петра Перваго. Князь Григорій Ѳедоровичъ, братъ его, служилъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ и пользовался тоже отлично довѣренностію Государя. У нихъ былъ сынъ Князь Алексѣй Григорьевичъ; сынъ этаго — былъ Князь Иванъ Алексѣевичъ; а его сынъ былъ отецъ описываемаго мною Князя Ивана Михайловича. И такъ сей послѣдній былъ влукъ Князя Ивана Алексѣевича, извѣстнаго въ нашей исторіи любимца Петра II-го, знаменитаго быстрымъ своимъ возвышеніемъ и быстрымъ паденіемъ и копчившаго жизнь на плахѣ. — Супруга сего послѣдняго и родная бабка поэта, Княгиня Паталя Борисовна, урожденная Графиня Шереметева, была дочь славшаго своими подвигами, тоже современника Петра I-го, Графа Бориса Петровича.

Она оставила послѣ себя записки о своей жизни, или правильнѣе сказать, о своей ссылке въ Сибирь, которыя донныѣ хранятся въ семействѣ Князей Долгорукихъ и были напечатаны въ одномъ журналѣ (*). Многіе изъясняли сожалѣніе, что она ихъ не продолжала и не описывала своего пребыванія въ Сибири; но не многимъ извѣстна причина этому: изъ записокъ ея внука видно, что ихъ семейству запрещено было имѣть тамъ бумагу и чернила, и даже запрещено было учить своихъ дѣтей грамотѣ. Знаменитая своими бѣдствіями, твердостію, добродѣтелью и любовію къ несчастному супругу, она была воспѣта однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, И. И. Козловымъ, въ небольшой поэмѣ, которая въ недавнее время имѣла большую извѣстность и возбуждала общее участіе. Князь Иванъ Михайловичъ помнилъ еще свою бабуку. Будучи ребенкомъ, онъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, ѣзжалъ къ ней въ Кіевъ, гдѣ она была пострижена въ инокини, подѣ именемъ Нектаріи. Я видалъ у него въ домѣ, въ домовой церкви, портретъ ея, въ монашеской одеждѣ и въ черномъ покрывалѣ, закрывающемъ верхнюю часть лица ея. Мать Князя Ивана Михайловича, Княгиня Анна Николаевна, была урожденная Баронесса Строганова. Вотъ какъ говорить поэтъ о своихъ предкахъ и родителяхъ:

Я мелкая кроха Князей тѣхъ крушныхъ, славныхъ,
 Изъ коихъ на Руси одинъ, во дняхъ недавныхъ,
 Великому Царю велику правду рекъ.
 Не мнѣ чета былъ Князь и громкой человекъ!
 Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
 Отечества былъ столпъ; отцу его былъ другомъ.

(*) Въ Другѣ Юношества 1808 г., изд. Невзоровымъ.

Внуку этаго, мой дѣдъ, позналъ, какъ говорить,
 Что вправду близъ Царя—близъ смерти всякъ нашъ братъ.
 Монархъ его любилъ, вельможи величали;
 Тамъ сославъ и казень... и поминай какъ звали!
 Жена его все съ нимъ дѣлила, такъ какъ другъ,
 Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
 Липася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
 И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
 Отецъ мой (и того уже къ себѣ взявъ Богъ)
 Душою былъ богатъ, а счастиемъ убогъ!
 Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носить,
 Въ недугахъ извурясь, вседневно смерти просить;
 А я Jeannot tout court, и голъ, такъ какъ соколъ,
 Служа осмнадцать лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ!

Князь Иванъ Михайловичъ родился въ Москвѣ, 1764 года, 7 Апрѣля, въ Середу на Страстной недѣлѣ, передъ полуднемъ, въ собственномъ домѣ отца его, на Тверской, близъ Страстнаго монастыря. „Роскошь“, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „окружала колыбель мою.“ — Но эта роскошь младенческой колыбели не перешла въ наслѣдство къ его мужескому возрасту. О нѣкоторыхъ причинахъ упадка состоянія ихъ семейства будетъ сказано мною послѣ. Теперь скажу только, что подъ конецъ своей жизни онъ не могъ похвалиться не только богатствомъ, но даже и достаточнымъ состояніемъ. На второмъ году своей жизни Князь Долгорукой занемогъ оспой, отъ которой едва не лишился жизни. Я не упомянулъ бы объ этомъ, еслибы отрывокъ изъ его записокъ, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ выздоровленіи, не свидѣтельствовалъ о той сильной вѣрѣ, которая никогда его не оставляла. — Вотъ слова его: «Марта 26, 1765 года, сестра «моя занемогла оспою; отъ нея пристала оспа и ко «мнѣ съ такою силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣ-

«мѣлъ. (*) Тогда еще не умѣли прививать сей заразы
 «и смягчать ея жестокость. Все лице мое покрылось
 «корою, и въ такомъ положеніи оставалось только ожи-
 «дать смерти. Богъ сохранилъ животь мой — *да повѣмъ*
 «*дѣла Господня.* Его великимъ промысломъ натура
 «открыла вспомогательныя свои средства — и болѣзнь
 «уступила ей силамъ. Тутъ явно совершилось надо
 «мною чудотвореніе отъ иконы Смоленскія Божія Ма-
 «стери, что въ Донскомъ монастырѣ надъ царскими вра-
 «стами. Когда родители мои, болѣзненно моею огорчен-
 «ные, съ теплою вѣрою прибѣгнувъ къ Богу, под-
 «няли икону къ себѣ въ домъ и меня къ оной при-
 «ложили, то вдругъ я получилъ употребленіе всѣхъ мо-
 «ихъ чувствъ, сталъ видѣть и слышать; струпь свалился
 «съ лица моего; оспа миновалась. *Сіе я всей мыслию*
 «*утверждаю: ибо вѣрю родителямъ моимъ, меня о томъ*
 «*извѣстившимъ; вѣрю паче Создателю моему, вся*
 «*сверзь-естественная могущему.»*

До восмилѣтняго возраста надзоръ за малолѣт-
 нымъ Княземъ Долгорукимъ и первоначальное ученіе его
 ввѣрены были французкѣ mad. Constantin, которая
 была принята въ домъ Долгорукихъ для старшей се-
 стры его и которая, какъ онъ говоритъ, приучала его
лепетать по своему съ самаго ребячества. Она бы-
 ла, по словамъ его, первымъ стороннимъ человѣкомъ,
 котораго попеченіямъ и ласкѣ онъ былъ обязанъ пер-
 воначальнымъ своимъ образованіемъ. «Благодарность,

(*) То есть *сдѣлался нѣмымъ.* Онѣмѣтъ говорится не объ языкѣ, а о
 другихъ членахъ тѣла, потерявшихъ чувствительность, напримѣръ: онѣмѣ-
 ніе руки. Но нынче часто встрѣчается у нашихъ авторовъ глаголъ
онѣмѣть вмѣсто сдѣлаться нѣмымъ. Это solecизмъ. Такъ говорится нынче
заболѣлъ вмѣсто *занемогъ.* Заболѣть должно употребляться только о боли
 отдѣльныхъ частей тѣла, и никогда о внутренней болѣзни всего орга-
 низма. Можно сказать: *заболѣла рука, заболѣла палецъ;* но должно го-
 ворить: *занемогъ лигорадкою, горячкою, ревматизмомъ.*